

Беларусь – Франция: опыт научно-исторического взаимодействия

В. Н. Сидорцов

Тему статьи определило стремление расширить понятие «соседи». Конечно, с внешней стороны, в географическом смысле слова, это сделать почти невозможно. «Почти»: имеется в виду, что наука не знает национальных границ и, если мы считаем историю наукой, разумеется, с учётом её национальных особенностей и её взаимосвязи с искусством, нельзя не признать этого.

Хотя и отношения Беларуси с Францией (то ли в рамках Речи Посполитой, то ли в рамках СССР) уходят в глубину веков, естественно, по объёму связей, по многообразию личных контактов, по количеству публикаций, общих и с взаимными ссылками друг на друга, они значительно уступают отношениям с соседями. Однако в наших связях с французскими коллегами есть то, что позволяет говорить и о нашем соседстве с ними, а именно то, что достойно перенять нам в историко-научных контактах с окружающими нас странами, что может дополнительно «оплодотворить» их, породить количественно и качественно новые «всходы». Опыт сотрудничества историков БГУ со специалистами Франции за последние 2,5 года позволяет говорить об этом.

Ключевым моментом формирования этого опыта явилась Международная научно-практическая конференция «Историография как объект познания», состоявшаяся в мае текущего года на базе двух столичных вузов – Белорусского государственного университета и Международного гуманитарно-экономического института. Её важной составляющей был коллоквиум «Образы прошлого в историографии: белорусско-французский диалог» с его двумя секциями: «Белорусы о Франции и французы о Беларуси» и «Культурное взаимодействие Беларуси и Франции».

Материалы коллоквиума были представлены к началу конференции в виде отдельного сборника «Образы прошлого в историографии: белорусско-французский диалог». В сборнике получили отражение, прежде всего, проблемы духовно-нравственного обновления – основы и смысла наших социально-гуманитарных отношений с Западом (статьи академика А. Н. Алпеева и аспирантки М. М. Равченко), и в этой связи вопрос о возможности и необходимости сотрудничества с французскими специалистами (д-ра истор. наук В. Н. Сидорцова, канд. истор. наук В. П. Вирской, аспирантов А. Н. Авдея, А. В. Рытова, Т. Д. Гернович). Белорусский взгляд на актуальные проблемы французской политической истории, в частности социалистического движения, был изложен в статьях д-ра истор. наук И. Р. Чикаловой и канд. истор. наук Е. Г. Колба, а французский взгляд на большевизм – в статье Л. В. Слуцкой. Отмечено влияние Франции на развитие художественной культуры и краеведения (в статье Н. М. Усовой, а также совместной статье д-ра истор. наук А. А. Гужаловского и аспирантки И. И. Бамбешко).

В свете предложенной темы примечательна статья Н. М. Усовой, отредактированная автором данной статьи. В ней на характерных примерах рассматриваются особенности эволюции художественных коммуникаций между Беларусью и Францией на протяжении XX в.: мощная волна эмиграции белорусских художников в начале века, составивших ядро «парижской школы» и обогативших мировое искусство; эпизодический культурный диалог в 1930–1950 гг.; возобновление выставочных обменов («Дней культуры») в 1950–1980-х гг.; оживление «культурного «паломничества» и открытие запретного в СССР творчества Марка Шагала в суверенной Республике Беларусь в 1990-х гг. В статье отмечается случайный, спонтанный и зависимый от политической конъюнктуры характер контактов; вместе с тем, признаётся их важное значение в построении гражданского общества.

В статье канд. истор. наук Е. Д. Смирновой «Оливье де Ля Марш и его “Мемуары”»:

французский нарратив “осени средневековья” с точки зрения истории повседневности на примере воспоминаний этого чиновника и хрониста герцога Бургундии раскрывается французский нарратив XV в. Показано, что костюм знати (его цвет) в средние века являлся средством социального распознавания, а участие в совместных трапезах – демонстрацией силы и проявлением принадлежности к одной социальной группе, внутри которой также не было равенства.

Внимание читателя сборника акцентируется и на этнических отношениях в Речи Посполитой, характеризующихся в статье канд. ист. наук П. О. Лойки («Узаемадачыненні частак Рэчы Паспалітай” абодвух народаў» (апошняя трэць XVI – пачатак XVII ст.)). Автор на основе критического анализа отечественной и зарубежной историографий, данных первоисточников, в первую очередь соймиковых депутатских инструкций, проследил основные противоречия, которые привели к несогласованности и конфликтам в решении проблем землеустройства, государственной территориальной принадлежности некоторых регионов, законодательного права польской шляхты занимать государственные должности в ВКЛ. Отмечено, что постепенное регулирование спорных вопросов вело к интеграции политических интересов шляхетских станов Речи Посполитой «двух народов».

Может возникнуть вопрос, какова же в данном случае связь с Францией? Тем более, что этот вопрос не получил ответа в статье. А дело в том, что в 1573 г. королём Речи Посполитой был избран Генрих Валуа, будущий король Франции Генрих III. Тогда же им были подписаны так называемые «генриховские артикулы» шляхетской свободы. В соответствии с этими статьями шляхта могла официально выступить против короля, если сочтёт незаконными его действия.

Неподдельный интерес вызывает анализ того, «как белорусский язык функционирует в качестве категории дискурсов», предложенный французской исследовательницей В. Шиманец, PhD. Оставляет след и сравнительный анализ истории евреев двух стран (Франции и Беларуси), данный Клер Ле Фолль, PhD. Правда, её попытка на секционном заседании конференции сопоставить положение евреев явно не в пользу Беларуси была решительно отвергнута участниками заседания.

Опубликованные к конференции материалы были дополнены рядом выступлений её участников. Прежде всего, был представлен тот общий фон, на котором предполагается дальнейшее развитие наших научных контактов с ближайшими и географически более удалёнными «соседями». В этой связи примечательно выступление с докладом на пленарном заседании конференции д-ра истор. наук, политолога О. Г. Буховца «Центральная и Восточная Европа: почему не срабатывает демонстрационный эффект западного историописания?». В нём даётся анализ опыта европейской исторической науки по формированию «исторически правильного» общеевропейского менталитета и указывается на те причины, по которым не срабатывают механизмы такого формирования в странах Центральной и Восточной Европы. Среди этих причин: 1) глубокое внедрение в обществах «памяти о конфликтах», 2) несвобода историко-обществоведческого знания от институтов государства, 3) засилье в нём бывших служителей пропагандистско-идеологического корпуса, «который продолжает во многом задавать тон вместе с когортой попавших в разряд “учёных” действующих политиков и администраторов», 4) установки профессиональных сообществ по отношению к «работе над ошибками в истории той или иной страны», что вытекает из вышеназванных причин.

Докладом д-ра искусствоведения Н. Ф. Высоцкой «Белорусско-французские связи в архитектуре и изобразительном искусстве (XII–XVIII в.)» была открыта, пожалуй, первая страница в историографии наших связей с Францией. Автор попыталась интегрировать отдельные факты белорусско-французских культурных контактов в данных областях, показать их стабильный, полезный для Беларуси и особенный характер. В докладе приведен интересный факт: садовник Андрэ Ленотр, живший в 1613–1700 гг., известен как оформитель Версальского парка; ему приписывается и создание парка в Бачейкове Могилёвской области, самого ценного на территории бывшего СССР. Что же касается гомельского парка, то и здесь не обошлось без влияния Запада, однако не непосредственного, а через российское преломление.

Оригинальным было выступление канд. истор. наук, профессора О. А. Яновского на тему: «Апантаны» интеллигент: профессор Фернан Бокур на историческом факультете БГУ (некоторые штрихи к портрету в воспоминаниях декана)». Автор в жанре мемуаров рассуждает о функциях историка в обществе, акцентируя внимание на их особенностях в Беларуси 90-х гг. XX в. Оппонентом избрана такая неординарная личность, как французский историк Фернан Бакур, беседы с которым позволили автору пересмотреть свои подходы к научному творчеству.

Всё это – отдельные примеры плодотворного взаимодействия с французскими коллегами. Правда, в области культурных связей, в части их художественного направления, можно констатировать создание в основном целого очерка этой части. При этом следует иметь в виду и не менее значительное влияние голландской, германской и итальянской культуры...

Но что же главное в этом взаимодействии, что достойно внедрению в наши связи с «географическими» соседями?

Как известно, важнейшим общенаучным методом исследования, нацеленным на конечный результат, является метод восхождения от конкретного к абстрактному и восхождения от абстрактного к конкретному, т. е. создание теории. Именно такой выход утверждает статус науки как таковой. Как известно, французская школа «Анналов» ещё в начале прошлого века доказала, что история – наука (кризис, разразившийся в конце XIX – начале XX в. поставил под сомнение этот статус). Анналистами была разработана концепция длительной временной протяжённости с её понятиями исторического времени, повседневности, тотальной истории и другими, показана действенность разработанной концепции. Следует вспомнить хотя бы фундаментальный труд Ф. Броделя [2].

Продолжая линию «Анналов», её современный представитель Ф. Артог ввёл понятие временного режима историчности. Он характеризовал античность, когда появился афоризм «*Historia magistra vitae est*», как время, обращённое в прошлое; период модернизации – как время, устремлённое в будущее; и современность – как время, «погружённое в настоящее». Эти рассуждения опубликованы в 3-ем номере периодического издания «Крыніцазнаўства і спецыяльныя гістарычныя дысцыпліны» [3], а также обсуждены в порядке сотрудничества с французскими коллегами на Круглом столе «Концептуализм прошлого и идентификация в истории: Франция, Европа и контекст культурных границ», состоявшемся год назад в парижском Доме наук о человеке. И в этом есть определённый резон.

Заметим, и в настоящее время сталкиваешься с утверждением того, что в истории нет объективности: «правда» у каждого своя. Если это так, то следует признать, что история – это не наука; в лучшем случае – искусство.

В связи с этим примечательны слова известного на Западе историка-теоретика Х. Стюарта: «Историки..., вероятно, забыли, что то, что можно называть прогрессом в их исследованиях, приходит не просто из открытия новых материалов, но, по крайней мере, в той же степени, исходит из нового прочтения материалов, уже имеющихся» [4]. Этот тезис Стюарта следует понимать не в смысле «правда у каждого своя», а в смысле того, что жизнь выдвигает новые задачи и история может помочь в их разрешении путём правильной, т. е. научной, постановки вопросов.

Склонность французских исследователей к построению научно-исторических концепций, а белорусских историков – к «фактологическому» представлению прошлого может стать весьма полезной для каждой из сторон. Для белорусов – особенно, поскольку насущной является задача углубления теоретико-методологических основ исторического исследования. Более того, нынешний поиск выхода из постмодернистского хаоса, в котором оказалась мировая историческая наука, тесно сближает всех нас: мы вышли (выходим) на мировую арену.

Поиск синтезирующего начала в историографии привёл историков к лингвистике, к получающему распространение в практике исторического познания дискурс-анализу – выяснению языковой практики того или иного времени, позволяющей приблизиться к исторической действительности, ибо вся наша жизнь представлена в языке. Для интересующихся этой

практикой в издательстве БГУ подготовлен к печати специальный сборник, в котором представлены также статьи историков [5].

Неслучайно вышеозначенная конференция в своих рекомендациях, принятых на заключительном заседании, записала:

– всемерно укреплять теоретико-методологические основы исторического исследования и обучения истории, повышая требовательность к соискателям учёных степеней, расширяя объём часов по соответствующим дисциплинам вузов, развивая историческое мышление учащихся средней школы;

– БГУ разработать ряд специальных курсов теоретико-методологической направленности для студентов и слушателей системы повышения квалификации (например: «От античной демократии к представительной», «Формирование исторического сознания», «Проблема идентичности в историографии») и внедрять их в образовательную сферу;

– всемерно расширять научные контакты с французскими специалистами, используя их опыт в разработке теории истории [6].

В конечном счёте, что нас объединяет с Францией? – Стремление 1) к прекрасному, 2) к осмыслению исторического прошлого во всём его выражении. Так пусть это стремление станет лейтмотивом наших отношений с соседями.

Abstract. The experience of scientific-historical interaction between Belarus and France is presented in the paper. On the basis of the studies the prospects of its development in the future are shown.

Литература

1. Образы прошлого в историографии : белорусско-французский диалог. Минск : ЗАО «Веды», 2008. 164 с.
2. Бродель, Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм. XV–XVIII в. / Ф. Бродель. – Т. 1–3. М., 1986–1992.
3. Крыніцазнаўства і спецыяльныя гістарычныя дысцыпліны. Вып 3. Минск : БГУ, 2007. С. 13–23.
4. Stuart Hughes, H. Contemporary Historiography: Progress, Paradigms, and the Regression Toward Positivism / H. Stuart Hughes / Progress and Its Discontents. Berkeley, Los Angeles, London, 1982. P. 285.
5. Дискурсивные исследования. Сб. научных работ / Под ред. И. Ф. Ухвановой-Шмыговой. Минск : БГУ, 2009 (в печати).
6. См. : Гісторыя: праблемы выкладання, 2008. – № 9. – С. 52–57.